

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ**  
**ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2015–2016 уч. г.**  
**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС**

**Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)**

**Прочитайте отзыв И.А. Бунина о Ф.М. Достоевском.**

**Выполните задания:**

1. Перечислите по пунктам претензии Бунина к автору романа «Преступление и наказание» (до 12 баллов).
2. Согласитесь с мнением Бунина или опровергните его оценки в недлинном рассуждении. Ваше мнение должно быть подкреплено авторитетом критиков, литературоведов и/или писателей. Объём ответа – 10–15 предложений (до 16 баллов).
3. Ответьте, какую фактическую ошибку допускает Бунин, говоря о романе «Преступление и наказание». (2 балла).

За обоснованное, доказательное, логически изложенное собственное мнение максимальное количество баллов – 16, из них от 0 до 6 баллов за язык, стиль, грамотность.

Разговор И.А. Бунина и В.П. Катаева (книга воспоминаний В.П. Катаева «Трава забвения»):

«<Бунин:> – Но скажите: неужели вы бы смогли – как ваш герой – убить человека для того, чтобы завладеть его бумажником?

<Катаев:> – Я – нет. Но мой персонаж...

– Неправда! – резко сказал Бунин, почти крикнул: – Не сваливайте на свой персонаж! Каждый персонаж – это и есть сам писатель.

– Позвольте! Но Раскольников...

– Ага! Я так и знал, что вы сейчас назовёте это имя! Голодный молодой человек с топором под пиджачком. И кто знает, что переживал Достоевский, сочиняя его, этого самого своего Раскольникова. Одна фамилия чего стоит! Я думаю, – тихо сказал Бунин, – в эти минуты Достоевский сам был Раскольниковым. Ненавижу вашего Достоевского! – вдруг со страстью воскликнул он. – Омерзительный писатель со всеми своими нагромождениями, ужасающей неряшливостью какого-то нарочитого, противоестественного, выдуманного языка, которым никогда никто не говорил и не говорит, с назойливыми, утомительными повторениями, длиннотами, косноязычием...»



**Часть II (40 баллов)**

**Выполните целостный анализ предложенного произведения.**

**Выберите ОДИН из предложенных вариантов.**

**Вариант 1. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

*Виктория Самойловна Токарева (род. 1937)*

**САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ**  
**(Рассказ акселератки)**

Нам задали классное сочинение на тему: «Самый счастливый день в моей жизни».

Я раскрыла тетрадь и стала думать: какой у меня был в жизни самый счастливый день? Я выбрала воскресенье – четыре месяца назад, когда мы с папой утром пошли в кино, а после этого сразу поехали к бабушке. Получилось двойное развлечение. Но наша учительница Марья Ефремовна говорит: человек бывает по-настоящему счастлив только в том случае, когда приносит людям пользу. А какая польза людям от того, что я была в кино, а потом поехала к бабушке? Я могла бы не учитывать мнения Марьи Ефремовны, но мне надо исправить оценку в четверти. Я могла бы иметь и тройку в четверти, но тогда меня не переведут в девятый класс, а отправят в ПТУ. Марья Ефремовна предупредила, что сейчас в стране переизбыток интеллигенции и дефицит в рабочем классе, так что из нас будут создавать фонд квалифицированной рабочей силы.

Я заглянула в тетрадь своей соседки Ленки Коноваловой. Ленка строчила с невероятной скоростью и страстью. Её самый счастливый день был тот, когда её принимали в пионеры.

Я стала вспоминать, как нас принимали в пионеры в Музее погранвойск, и мне не хватило пионерского значка. Шефы и вожатые забегали, но значка так и не нашли. Я сказала: «Да ладно, ничего...» Однако настроение у меня испортилось, и я потом была невнимательна. Нас повели по музею и стали рассказывать его историю, но я ничего не запомнила, кроме того, что мы когда-то делили с японцами какую-то речку и даже разодрались. Однако до войны дело не дошло. А может, я что-то путаю. Я такие вещи вообще не запоминаю. Мне это совершенно не интересно.

Однажды мы с мамой отвели домой пьяного ханурика. Он потерял ботинок и сидел на снегу в одном носке. Мама сказала: нельзя его бросать на улице, может, у него несчастье. Мы спросили, где он живёт, и отвели его по адресу. От этого поступка была наверняка большая польза, потому что человек спал не на сугробе, а у себя дома и семья не волновалась. Но самым счастливым днём это не назовёшь: ну отвели и отвели...

Я перегнулась вправо и заглянула в тетрадь Машки Гвоздевой. Она сидит впереди меня. Я там ничего не разобрала, но Машка наверняка пишет, что

самый счастливый день был тот, когда у них взорвался испорченный синхрофазотрон и им дали новый. Эта Машка просто помешана на схемах и формулах. У неё выдающиеся математические способности, и она уже знает, куда будет поступать. У неё есть смысл жизни. А у меня единственное, что есть, как говорит Марья Ефремовна, – это большой словарный запас, и я легко им орудую. Поэтому мне в музыкальной школе поручают доклады о жизни и творчестве композиторов. Доклад пишет учитель по музыке, а я его зачитываю по бумажке. Например: «Бетховен – плебей, но всё, что он достиг в жизни, он достиг своим трудом...» И ещё я объявляю на концертах, например: «Сонатина Клементи, играет Катя Шубина, класс педагога Россоловского». И это звучит убедительно, потому что у меня рост, цвет лица и фирменные вещи. Цвет лица и фирма мне перешли от мамы, а рост – непонятно откуда. Я где-то читала, что в современных панельно-блочных домах, не пропускающих воздух, созданы условия, близкие к парниковым, и поэтому дети растут, как парниковые огурцы.

Машка Гвоздева безусловно попадёт в интеллигенцию, потому что от её мозгов гораздо больше пользы, чем от её рук. А у меня ни рук, ни мозгов – один словарный запас. Это даже не литературные способности, просто я много знаю слов, потому что я много читаю. Это у меня от папы. Но знать много слов совершенно необязательно. Мальчишки в нашем классе вполне обходятся шестью словами: точняк, нормалёк, спокуха, не кисло, резко, структура момента. А Ленка Коновалова любую беседу поддерживает двумя предложениями: «Ну да, в общем-то...» и «Ну да, в общем-то, конечно...» И этого оказывается вполне достаточно: во-первых, даёт возможность говорить собеседнику, а это всегда приятно. Во-вторых, поддерживает его сомнения. «Ну да, в общем-то...», «Ну, в общем, конечно».

Неделю назад я слышала по радио передачу о счастье. Там сказали: счастье – это когда что-то хочешь и добиваешься. А очень большое счастье – это когда что-то очень хочешь и добиваешься. Правда, потом, когда добьёшься, – счастье кончается, потому что счастье – это дорога к осуществлению, а не само осуществление.

Что я хочу? Я хочу перейти в девятый класс и хочу дублёнку вместо своей шубы. Она мне велика, и я в ней как в деревянном квадратном ящике. Хотя мальчишки у нас в раздевалке режут бритвой рукава и срезают пуговицы. Так что дублёнку носить в школу рискованно, а больше я никуда не хожу.

А что я очень хочу? Я очень хочу перейти в девятый класс, поступить в МГУ на филологический и познакомиться с артистом К.К. Мама говорит, что в моём возрасте свойственно влюбляться в артистов. Двадцать лет назад она тоже была влюблена в одного артиста до потери пульса, и весь их класс сходил с ума. А сейчас этот артист разжирел как свинья, и просто диву даешься, что время делает с людьми.



Но мама меня не понимает, я вовсе не влюблена в К.К.

Просто он играет д'Артаньяна, и так он замечательно играет, что кажется, будто К.К. – это и есть сам д'Артаньян – талантливый, неожиданный, романтический. Не то что наши мальчишки: «точняк», «нормалёк» и ниже меня на два сантиметра.

Я смотрела «Мушкетёров» шесть раз. А Рита Погосян – десять раз. Её мама работает при гостинице «Минск» и может доставать билеты куда угодно, не то что мои родители – ничего достать не могут, живут на общих основаниях.

Однажды мы с Ритой дождались К.К. после спектакля, отправились за ним следом, сели в один вагон метро и стали его разглядывать. А когда он смотрел в нашу сторону, мы тут же отводили глаза и фыркали. Рита через знакомых выяснила: К.К. женат и у него есть маленький сын. Хорошо, что сын, а не дочка, потому что девочек любят больше, а на мальчишек тратится меньше нежности, и, значит, часть души остаётся свободной для новой любви.

У нас с К.К., правда, большая разница в возрасте – двадцать лет. Через пять лет мне будет восемнадцать, а ему тридцать восемь. Но пусть это будет его проблемой. А молодость ещё никогда и никому не мешала. Рита сказала, что К.К. – карьерист. В Америке из-за карьеры стреляют в президентов. И ничего. То есть, конечно, «чего», но ещё не такие дела делаются из-за карьеры.

Неизвестно – отрицательная это черта или положительная. Мой папа, например, не карьерист, но что-то большого счастья на его лице я не вижу. У него нет жизненного стимула и маленькая зарплата. Недавно я на классном часе докладывала о политической обстановке в Гондурасе. Честно сказать, какое мне дело до Гондураса, а ему до меня, но Марья Ефремовна сказала, что аполитичных не будут переводить в девятый класс. Я подготовилась как миленькая и провела политинформацию. Буду я рисковать из-за Гондураса.

Ленка Коновалова перевернула страницу – исписала уже половину тетради. А я всё сижу и шарю в памяти своей самый счастливый день. В передаче о счастье я запомнила такую фразу: «Перспектива бессонных ночей за штурвалом комбайна...» Может быть, комбайнёр тоже был карьерист.

Вообще, если честно, мои самые счастливые дни – это когда я возвращаюсь из школы и никого нет дома. Я люблю свою маму. Она на меня не давит, не заставляет заниматься музыкой и есть с хлебом. При ней я могу делать то же самое, что и без неё. Но всё-таки это – не то.

Она, например, ужасно неаккуратно ставит иглу на пластинку, и через динамики раздаётся оглушительный треск, и мне кажется, что иголка царапает моё сердце. Я спрашиваю: «Нормально ставить ты не можешь?» Она отвечает: «Я нормально ставлю». И так каждый раз. Когда её нет дома, в дверях записка: «Ключи под ковриком. Еда на плите. Буду в шесть. Ты дура. Целую, мама».

Я читала в газете, что Москва занимает последнее место в мире по проценту преступности. То есть Москва – самая спокойная столица в мире. И это правда. Я убедилась на собственном опыте. Если бы самый плохонький воришка-дилетант и даже просто любопытный, с дурными наклонностями

человек прошёл по нашей лестнице и прочитал мамину записку, то получил бы точную инструкцию: ключи под ковриком. Открывай дверь и заходи. Еда на плите – разогревай и обедай. А хозяйева явятся в шесть.

Так что можно не торопиться и даже отдохнуть в кресле с газетой, а около шести – уйти, прихватив папины джинсы, кожаный пиджак и мамину дублёнку, отделанную аляскинским волком. Больше ничего ценного в нашем доме нет, потому что мы – интеллигенция и живём только на то, что зарабатываем.

Мама говорит: когда человек боится, что его обворуют, его обязательно обворуют. В жизни всегда случается именно то, чего человек боится. Поэтому никогда не надо бояться. И это точно. Если я боюсь, что меня спросят, – меня обязательно спрашивают.

Когда я выхожу из лифта и вижу записку, я радуюсь возможности жить как хочу и ни к кому не приспосабливаться. Я вхожу в дом. Ничего не разогреваю, а ем прямо со сковороды, руками и в шубе. И стоя. Холодное – гораздо вкуснее. Горячее – отбивает вкус.

Потом я включаю проигрыватель на полную мощность и зову в гости Ленку Коновалову. Мы с ней вырываем из шкафа все мамины платья, начинаем мерить их и танцевать. Мы танцуем в длинных платьях, а ансамбль «Синяя птица» надрыгается: «Не о-би-жайся на меня, не обижаа-а-йся, и не жалей, и не зови, не достучишься до любви». А в окно хлещет солнце.

Потом Ленка уходит. Я сажусь в кресло, закутываюсь в плед и читаю. Сейчас я читаю две книги: рассказы Хулио Кортасара и пьесы Александра Вампилова. Эти книги маме подарили её подхалимы.

У Вампилова мне очень нравится: «Папа, к нам пришёл гость и ещё один». А папа отвечает: «Васенька, гость и ещё один – это два гостя...» Я читаю и вижу перед глазами К.К., и мне бывает грустно, что всё-таки он женат и у нас большая разница в возрасте.

А у Кортасара в рассказе «Конец игры» есть слова «невыразимо прекрасно». Они так действуют на меня, что я поднимаю глаза и думаю. Иногда мне кажется, что жить – невыразимо прекрасно. А иногда мне становится всё неинтересно, и я спрашиваю у мамы: «А зачем люди живут?» Она говорит: «Для страданий. Страдания – это норма». А папа говорит: «Это норма для дураков. Человек создан для счастья». Мама говорит: «Ты забыл добавить – как птица для полёта. И ещё можешь сказать: жалость унижает человека». Папа говорит: «Конечно, унижает, потому что на жалость рассчитывают только дураки и дуры. Умные рассчитывают на себя».

А мама говорит, что жалость – это сострадание, соучастие в страдании, и на нём держится мир, и это тоже талант, который доступен не многим, даже умным.



Но спорят они редко, потому что редко видятся. Когда папа вечерами дома – мамы нет. И наоборот. Если мамы нет – папа читает газеты и смотрит по телевизору хоккей. (У нас была няня, которая не выговаривала «хоккей» и произносила «фокея».) Посмотрев «фокею», прочитав газеты, папа требует мой дневник и начинает орать на меня так, будто я глухая или нахожусь в соседней квартире, а он хочет, чтобы я услышала его через стенку. Когда папа кричит, я почему-то не боюсь, а просто хуже понимаю. Мне хочется попросить: «Не кричи, пожалуйста, говори спокойно». Но я молчу и только моргаю.

Иногда мама приходит довольно поздно, однако раньше отца. Она видит, что его дублёнки нет на вешалке, ужасно радуется. Быстро переодевается в пижаму, и мы с ней начинаем танцевать на ковре посреди комнаты, скидывая ноги, как ненормальные, обе в пижамах и босиком. У мамы пижама в ромбик, а у меня в горошек. Мы ликуем, но шёпотом, сильно разевая рты, и нам бывает невыразимо прекрасно.

А когда у мамы библиотечные дни и она целый день дома, готовит еду на несколько дней, а отца нет до позднего вечера, – вот тут-то она появляется у меня в комнате, не учитывая, что мне надо спать, а не разговаривать, и начинает из меня варить воду.

Она говорит:

– По-моему, он от нас ушёл.

Я говорю:

– А как же кожаный пиджак и джинсы? Без них он не уйдёт.

– Но он может прийти за ними позже.

– Глупости, – говорю я. – От меня он никуда не денется.

Однако я пугаюсь, и у меня начинает гудеть под ложечкой и щипать в носу. Я не представляю своей жизни без отца. Я скачусь на одни тройки и двойки. Я вообще брошу школу и разложусь на элементы. Я получаю хорошие оценки исключительно ради отца, чтобы ему было приятно. А мне самой хватило бы и троек. И маме тоже хватило бы. Она рассуждает так: «Три – это удовлетворительно. Значит, государство удовлетворено».

– Я с ним разведусь, – говорит мама.

– Причина?

– Он мне не помогает. Я сама зарабатываю деньги. Сама стою в очередях и сама таскаю кошёлки.

– А раньше было по-другому?

– Нет. Так было всегда.

– Тогда почему ты не развелась с ним раньше, десять лет назад?

– Я хотела обеспечить тебе детство.

– Значит, когда я была маленькая и ничего не понимала, ты обеспечивала мне детство. А сейчас, когда я выросла, ты хочешь лишить меня близкого человека. Это предательство с твоей стороны.

– Ну и пусть.

– Нет, не пусть. Тогда я тоже не буду с тобой считаться.

– У тебя впереди вся жизнь. А мне тоже хочется счастья.

Я не понимаю, как можно в тридцать пять лет, имея ребёнка, хотеть какого-то ещё счастья для себя. Но сказать так – нетактично. И я говорю:

– А где ты видела счастливых на все сто процентов? Вон тётя Нина моложе тебя на пять лет, худее на десять килограмм, однако без мужа живёт и ездит каждый день на работу на двух видах транспорта, полтора часа в один конец. И занимается каким-то химическим машиностроением, чтобы заработать на кусок хлеба. А ты – работаешь через дорогу, любишь свою работу, все тебя уважают. Занимаешь своё место в жизни. Вот уже пятьдесят процентов. Я – удачный ребёнок. Здоровый и развитый. Ещё сорок пять. Ничем не болеешь – один процент. Вот тебе уже девяносто шесть процентов счастья, остаётся четыре процента... Но где ты видела счастливых на сто процентов? Назови хоть кого-нибудь.

Мама молчит, раздумывает – кого назвать. И в самом деле – никто не счастлив на все сто процентов. «В каждой избушке свои погремушки». Или как я где-то вычитала: «У каждого в шкафу свой труп». Но маму не утешает чужое несчастье. Она хочет свои недостающие четыре процента вместо первых пятидесяти. Сидит на моей постели и дрожит, как сирота. Я говорю:

– Ложись со мной. Я тебя присплю.

Она ложится ко мне под одеяло. Ступни у неё холодные, и она суёт их мне в ноги, как эгоистка. Но я терплю.

На мой глаз капает её слеза. Я опять терплю. Я её очень люблю. У меня даже всё болит внутри от любви. Но я понимаю, что, если начать её жалеть, она раскиснет ещё больше. И я говорю:

– Поди посмотри на себя в зеркало при свете дня. Ну кому ты нужна, кроме нас с папой? Ты должна жить для нас.

Но вообще, честно сказать, я считаю: человек должен быть эгоистом. Карьерист и эгоист. Чтобы ему было хорошо. А если одному хорошо, то и другим вокруг него тоже хорошо. А если одному плохо, то и остальным пасмурно.

Так ведь не бывает, чтобы человек горел на костре, а вокруг него ближние водили хороводы.

Тихо скрипит ключ, это папа осторожно вводит ключ в замок, чтобы нас не разбудить. Потом он на цыпочках входит в прихожую, стоит какое-то время, видимо, раздевается. И так же на цыпочках идёт в свою комнату, и половицы виновато поскрипывают. Как-то бабушка сказала, что папа себя не нашёл. И когда он ступает на цыпочках, мне кажется: он ходит и ищет себя, не зажигая свет, заглядывая во все углы. И мне его ужасно жалко. А вдруг и я не найду себя до сорока лет и не буду знать, куда себя девать. Заслышав папины шаги, мама успокаивается, и засыпает на моём плече, и дышит мне в щёку. Я обнимаю



её и держу как драгоценность. Я лежу и думаю: хоть бы она скорее растолстела, что ли... Я мечтаю, чтобы мои родители постарели и растолстели, тогда – кому они будут нужны, толстые и старые? Только друг другу. И мне.

А сейчас они носятся колбасой, худые и в джинсах. Мне иногда кажется, что одна нога каждого из них зарыта, а другой они бегут в разные стороны. Но куда убежишь с зарытой ногой?

Между прочим, у Ленкиной мамы вообще нет мужа, трое детей – все от разных отцов, слепая бабка, две кошки и щенок. Однако у них в доме – шумно, хламно и весело. Может быть, потому, что Ленкиной мамаше некогда в гору глянуть. Когда у человека остаётся свободное время, он начинает думать. А если начать думать, обязательно до чего-нибудь додумаешься. Однажды, год назад, на нашей улице маленький мальчишка попал под машину. Все побежали смотреть, а я побежала домой. Я тогда ужасно испугалась, но не за себя, а за моих родителей. Я и сейчас боюсь: вдруг со мной что-нибудь случится, попаду под машину или вырасту и выйду замуж? На кого я их оставляю? И что они будут делать без меня?..

Загоруйко подошёл к Марье Ефремовне и сдал тетрадь. Наверное, для него самый счастливый день будет тот, когда «битлсы» снова объединятся в ансамбль. Загоруйко знает все современные зарубежные ансамбли: «Кисеи», «Квины», «Бони М». А я только знаю: «Бетховен плебей...», серенаду Шумана по нотам и кое-что по слуху.

Я посмотрела на часы. Осталось шестнадцать минут.

Раздумывать больше некогда, иначе мне поставят двойку, не переведут в девятый класс, и я буду токарь-наладчик или буду швея-мотористка. Швея с большим словарным запасом.

Я решила написать, как мы сажали вокруг школы деревья. Где-то я прочитала: каждый человек за свою жизнь должен посадить дерево, родить ребёнка и написать книгу о времени, в котором он жил.

Я вспоминала, как тащила полное ведро чернозёма, чтобы засыпать в лунку и дерево лучше прижилось. Подошёл Загоруйко и предложил:

– Давай помогу.

– Обойдусь, – отказалась я и поволокла ведро дальше. Потом я высыпала землю в лунку и разжала ладони.

На ладонях был след от дужки ведра – глубокий и синий. Плечи ныли, и даже ныли кишки в животе.

– Устала, – сообщила я окружающим с трагическим достоинством.

– Так и знал! – ехидно обрадовался Загоруйко. – Сначала пижонила, а теперь хвастаться будет.

Противный этот Загоруйко. Что думает, то и говорит, хотя воспитание дано человеку именно для того, чтобы скрывать свои истинные чувства. В том случае, когда они неуместны.

Но что бы там ни было, а дерево прижилось и останется будущим поколениям. И, значит, за содержание Марья Ефремовна поставит мне пятёрку, а ошибок у меня почти не бывает. У меня врождённая грамотность.

Я снова посмотрела на часы. Осталось одиннадцать минут. Я встряхнула ручкой, она у меня перьевая, а не шариковая, и принялась писать о том дне, когда мы с папой пошли утром в кино, а после поехали к бабушке. И пусть Марья Ефремовна ставит мне что хочет. Всё равно ни эгоистки, ни карьеристки из меня не получится. Буду жить на общих основаниях. Я написала, что кинокомедия была ужасно смешная, с де Фюнесом в главной роли, и мы так хохотали, что на нас даже оборачивались, и кто-то постучал в мою спину согнутым пальцем, как в дверь. А у бабушки было как всегда. Мы сидели на кухне и ели очень вкусную рыбу. (Хотя мама утверждает, что бабушкина рыба – несолёная и пахнет аммиаком, будто её вымачивали в моче). Но дело ведь не в еде, а в обстановке. Меня все любили и откровенно мною восхищались. И я тоже всех любила на сто процентов и тем самым приносила огромную пользу. У меня глаза папины, у папы – бабушкины – карие, бровки домиком. Мы глядели друг на друга одними и теми же глазами и чувствовали одно и то же. И были как дерево: бабушка – корни, папа – ствол, а я – ветки, которые тянутся к солнцу.

И это было невыразимо прекрасно.

Конечно, это был не самый счастливый день в моей жизни. Просто счастливый. А самого счастливого дня у меня ещё не было. Он у меня – впереди.

<1970-e>

## **Вариант 2. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА**

*Арсений Александрович Тарковский (1907–1989)*

### **ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ**

I

Предчувствиям не верю и примет  
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда  
Я не бегу. На свете смерти нет.  
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо  
Бояться смерти ни в семнадцать лет,  
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,  
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.  
Мы все уже на берегу морском,  
И я из тех, кто выбирает сети,  
Когда идёт бессмертье косяком.



II

Живите в доме – и не рухнет дом.  
Я вызову любое из столетий,  
Войду в него и дом построю в нём.  
Вот почему со мною ваши дети  
И жёны ваши за одним столом –  
А стол один и прадеду и внуку:  
Грядущее свершается сейчас,  
И если я приподнимаю руку,  
Все пять лучей останутся у вас.  
Я каждый день минувшего, как крепью,  
Ключицами своими подпирал,  
Измерил время землемерной цепью  
И сквозь него прошёл, как сквозь Урал.

III

Я век себе по росту подбирал.  
Мы шли на юг, держали пыль над степью;  
Бурьян чадил; кузнечик баловал,  
Подковы трогал усом, и пророчил,  
И гибелью грозил мне, как монах.  
Судьбу свою к седлу я приторочил;  
Я и сейчас, в грядущих временах,  
Как мальчик, привстаю на стремянах.  
Мне моего бессмертия довольно,  
Чтоб кровь моя из века в век текла.  
За верный угол ровного тепла  
Я жизнью заплатил бы своевольно,  
Когда б её летучая игла  
Меня, как нить, по свету не вела.

(1965)

**Максимальное количество баллов за работу – 70.**